

УДК 130.2

Загоруйко С.Т.

ПАРАДИГМЫ ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ИНТЕРВАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Среди множества реальностей, окружающих человека, существует реальность близкая ему, но не становящаяся от этого более понятной – это повседневное бытие. Эта область человеческого существования традиционно исключалась из проблематики классической философии. И лишь в 50-е годы двадцатого столетия социология в лице А. Шюца обратила внимание на структуры социального мира, данные человеку в непосредственном, жизненном опыте. Исторически первым объектом дорефлексивного переживаемого опыта является мир вещей, мир объективированных потребностей человека. Такую ситуацию можно объяснить тем, что мир повседневности кажется очевидным и прозрачным, философски проблематичным. Он действительно понятен в силу своей функциональности; как мир, созданный человеком для удовлетворения своих потребностей и потому являющийся его предметным дополнением и продолжением. В этом, функциональном интервале, в интерпретации Ж. Бодрийяра [1] в смысле полной прилаженности вещи к человеку, как продолжение предметности вещи; в предметности человека нет проблематики, поднимающей мир повседневности до уровня философских значений. Но повседневность кажется ясной не потому, что она отрефлексирована, а потому, что она ускользает от рефлексии. Понятность вещи; как части повседневного мира, перестает быть таковой, когда мы ее рассматриваем в иных интервалах человеческих отношений. Попытаемся обозначить интервалы потребительной деятельности, в рамках которых формируются качественно различные парадигмы. Вещь для человека значима своим «физисом», предметностью и процесс общения с вещью (ее потребления) выступает как усвоение качества вещи. Рамки этого интервала обозначаются достаточно четко: субъект потребления, объект потребления и потребность как отношение между ними. Но правила, по которым функционирует эта система не однозначны. Можно выделить в истории культуры, по крайней мере, три парадигмы. Первая связана с наиболее полным удовлетворением потребностей, а потребление является единственно значимой деятельностью. В этом случае человеческая деятельность направлена на все большее вовлечение окружающего мира в сферу потребления и наслаждения. Вторая установка связана со сведением к минимуму потребностей и крайнего сужения круга вещей. Главной ценностью человеческой жизни является свобода, а вещь – это цепи человека; единственное, в чем нуждается человек – это природный мир. Третья парадигма определяет вещь как объективацию сущностных сил человека, а потому она является ценностью, но не является целью и смыслом

жизни и представляет лишь как условие для более возвышенной деятельности. Рамки интерсубъективного интервала, «субъект-вещь-субъект» задают иной смысл и потреблению, и вещи. Вещь выступает как посредник и способ общения индивидов. При этом тип человеческих отношений, отношение человека к вещи и функции самой вещи многозначны. Определим некоторые из этих значений. Моя нуждаемость в «Другом» как производителе тех предметов, которые включаются в круг потребления. Вещь значима постольку, поскольку идентифицирует человека с референтной группой и одновременно отличает его от других. В этой парадигме вещь – это не столько предмет, предназначенный для удовлетворения какой-либо потребности, но выступает как некий знак, она приобретает высший, метафизический смысл. Реальность уступает место миру условностей и игры. Индивидуальность человека пропадает и растворяется в «индивидуальности» вещи. Возникает комфортная ситуация, человеку ничего не надо доказывать, за него говорит вещь.

Следующий интервал задается историко-культурными рамками. Старые вещи, передаваемые от поколения к поколению, помогают почувствовать свою сопричастность к истории, культуре. Обладание старинными вещами выступает как своеобразное участие в общемировом культурном процессе. Вещь значима не функциональностью, а своей причастностью к истории. Кроме того, вещь является выражением связи и единства с родом. Одним из проявлений этого аспекта является вещная форма этнической идентификации. При современной глобальной унификации вещного мира, человек всегда будет нуждаться в механизмах определения своей самобытности. Следующий интервал можно образно представить как интимный диалог между человеком и вещью, где вторая выступает как самоценный субъект. Индивид значим уже тем, что обладает вещью-символом. Происходит процесс замещения потребления обладанием. В системе «человек-вещь» единственной и реальной ценностью является вещь. Эта тенденция приобретает в современном обществе массовидный характер. Ее истоки лежат в культурном перевороте, начавшемся после второй мировой войны в ходе осуществляющейся научно-технической революции, когда духовные ценности приобретают осязаемую, вещную форму благодаря их массовому тиражированию (репродукции картин, пластинки, диски, макеты и др.). В культуре конца XX века на этом фоне происходят удивительные метаморфозы: не высшие материи, а повседневность становится центром жизни. Эстетизируя быт, одежду, человек обманывает сам себя, пытаясь придать им высший, духовный смысл. Огромная армия дизайнеров и модельеров создает каноны «высокого» потребления, посредством которых пытаются убедить, что единственным средством самовыражения является потребление. Эта мысль достаточно настойчиво тиражируется СМИ, внедряя в сознание масс, что праздник духа и мысли можно заменить праздником потребления.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Система вещей. – Москва: Рудомино, 1995. – 168 с.